

Павел Берлин

НЕИЗВЕСТНЫЙ

КАРЛ МАРКС

ЖИЗНЬ И ОКРУЖЕНИЕ

Гении и злодеи

Павел Берлин

**Неизвестный Карл Маркс.
Жизнь и окружение**

«Алисторус»

2012

Берлин П. А.

Неизвестный Карл Маркс. Жизнь и окружение / П. А. Берлин — «Алисторус», 2012 — (Гении и злодеи)

Карл Маркс – философ, социолог, экономист и общественный деятель. Сменив иудейство на протестантизм, Маркс получил «входной билет в область европейской культуры», благодаря чему у него появилась реальная возможность влиять на массовое сознание миллионов людей. Труды Карла Маркса сформировали в философии – диалектический и исторический материализм, в экономике – теорию прибавочной стоимости, в политике – теорию классовой борьбы. Эти направления стали основой коммунистического и социалистического движения и идеологии, получив название «марксизм». Что же это означает на самом деле? Карл Маркс повернул экономическую эволюцию цивилизации. Карл Маркс развернул историю развития человеческой цивилизации. Человек, свершивший «философскую революцию», стал идеологом революции массовой, кровавой, братоубийственной. Возможно, впервые за время существования нашей цивилизации философ так повлиял на историю развития человечества. Член тайного общества «Союз коммунистов», создатель мощной пропагандистско-террористической организации мирового масштаба под названием Первый Интернационал. Каким же был этот уникальный человек?

© Берлин П. А., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

Глава I	5
Глава II	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Павел Абрамович Берлин

Неизвестный Карл Маркс:

жизнь и окружение

Глава I

Годы юности и студенчества

Карл Маркс происходил из древней и благочестивой еврейской семьи. Его родословное древо по прямой линии вплоть до шестнадцатого века насчитывает в числе своих членов исключительно раввинов, среди которых некоторые в свое время были известными учеными-теологами. Все они носили фамилию Мордухай, и лишь дедушка Карла Маркса изменил эту фамилию на фамилию «Маркс».

Отец Маркса не только нарушил древнюю традицию своего рода и вместо учено-духовной карьеры избрал светскую – в 1824 году он перешел из иудейства в протестантизм.

Переходя из иудейства в протестантизм, отец Маркса, по словам Меринга, «делал это не для того, чтобы веру в Дегову переменить на веру в Христа, а для того, чтобы внешне порвать с иудейством, которое он уже пережил внутренне. А в то время сделать это можно было лишь в форме перехода в протестантизм».

И в подтверждение Меринг ссылается на слова Гейне, который, оправдывая свое крещение, говорил, что свидетельство о крещении служит входным билетом в область европейской культуры.

Но эти соображения Меринга представляются нам очень уж натянутыми. Переход из иудейства в христианство вызывался тогда не тем, как это предполагает Меринг, что тогдашнее наиболее передовые евреи «внутренне преодолели», пережили еврейство, а тем, что тогдашние официальные христиане не давали возможности евреям по-человечески жить в Пруссии. Меринг забывает о словах Гейне, что если бы позволили красть серебряные ложки, то он бы никогда не крестился... Гейне крестился почти одновременно с отцом Маркса, и в письме к своему другу Мозеру он следующим образом объясняет свой шаг: «Я очень хорошо понимал слова псалмопевца: «Господи! Давай мне насущный хлеб, дабы я не позорил Твое святое Имя!» Весьма фатально, что во мне весь человек управляется бюджетом! На мои принципы отсутствие или изобилие денег не имеет ни малейшего влияния, но на мои поступки оно влияет тем сильнее. Да великий Мозер, Генрих Гейне очень мал... Это не шутка, это мое серьезнейшее, исполненное самого сильного негодования, убеждение. Моя душа гуммиластиковая, она часто растягивается до бесконечности и часто стягивается до крошечных размеров». И затем в другом письме к тому же Мозеру Гейне произносит упомянутую фразу о серебряных ложках: «Мне было бы очень прискорбно, если бы мое свидетельство о крещении могло представиться тебе в благоприятном свете. *Уверяю тебя, что, будь законами дозволено красть серебряные ложки, я бы не крестился*» (курсив автора). Эти слова Гейне отлично показывают, что многие тогдашние евреи переходили в христианство вовсе не потому, как это предполагает Меринг, что они «внутренне преодолели еврейство», а просто потому, что они не могли преодолеть грубого внешнего и внутреннего гнета прусского государства.

Семья Маркса, правда, жила в рейнской провинции, где действовал несравненно более передовой, чем прусское уложение, Наполеоновский кодекс, которому были чужды религиозные преследования. Но ко времени крещения семьи Маркса город Трир подпал под владыче-

ство Пруссии, которая в то время жестоко травила евреев, и не далее как в 1826 г. рейнский провинциальный ландтаг обсуждал законопроект о лишении евреев всех гражданских прав.

Грубый и злобный антисемитизм тогдашнего немецкого правительства и значительной части общества заставлял многие тысячи еврейских семейств переходить в христианство. И этим, конечно, объясняется переход в христианство и всей семьи отца Карла Маркса. И именно благодаря тому, что внешние гонения заставили многих передовых евреев переходить в христианство, эти евреи сохраняли в себе жгучую, лютую ненависть к реакционному правительству и обществу и бросались в первые ряды борцов за политическую свободу.

Берне, который тоже вынужден был принять христианство, в превосходных словах показал, почему именно евреи выдвигали тогда передовых борцов освободительного движения. «Да именно потому, – писал Берне, – что я родился рабом, свобода милее мне, чем вам. Да, вследствие того, что я был обучен рабству, я понимаю свободу лучше вас. Да, оттого, что у меня не было при рождении никакого отечества, я жажду приобрести его гораздо сильнее, чем вы, и вследствие того, что место, где я родился, было ограничено одною еврейскою улицею, за закрытыми воротами которой начиналась для меня чужая земля, – мне недостаточно теперь иметь отечеством ни город, ни провинцию, ни целую область; я могу удовольствоваться только всею великою отчизною, на всем пространстве, где звучит ее язык... Я перестал быть рабом граждан и потому не желаю теперь никакого рабства; я хочу быть теперь совершенно свободным. Дом моей свободы я выстроил себе заново снизу до самого верху; следуйте моему примеру и не довольствуйтесь накладкой новых черепиц на крышу полусгнившего государственного здания. Прошу вас, не презирайте евреев. Вы лишили их воздуха, но это предохранило их от гнилости. Вы насыпали в их сердце соль ненависти, но это помогло ему сохраниться в совершенной свежести. Вы всю зиму держали их в глубоком погребке, заткнув отдушину навозом, но сами, незащищаемые ничем от холодного воздуха, полузамерзли. Когда наступит весна, мы увидим, кто зазеленеет прежде: евреи или христиане».

Эти слова Берне (см. его «Сочинения в переводе П. Вейнберга», т. 11, СПб., 1896 г.) хорошо вскрывают социально-психологический источник той чуткой восприимчивости к новым освободительным идеям, той готовности биться за их осуществление, которыми отличался тогда передовой слой еврейства. Достаточно сказать, что за короткий промежуток времени немецкое еврейство сумело тогда выдвинуть целую плеяду блестящих, гениальных борцов за политическое и социальное освобождение всего человечества – Берне, Гейне, Маркса, Лассалья.

Но помимо принадлежности к гонимой в тогдашней Пруссии нации, все внешние условия жизни Карла Маркса складывались так, что должны были рано пробудить и развить в нем его природную революционную стихию. Маркс родился и вырос в городе Трире в рейнской провинции, которая была завоевана Наполеоном I и с тех пор управлялась на основании Наполеоновского кодекса. Но в 1815 г. рейнские провинции вновь отошли к Пруссии, и их жителям была дана возможность наглядно сравнить более или менее свободный режим, созданный «революционным и безбожным» французским правительством, с деспотическим режимом патриархального и богобоязненного прусского правительства. Сравнение было, конечно, не в пользу последнего. И недовольство прусским режимом широко разлилось по рейнской провинции. К тому же рейнская провинция принадлежала к числу наиболее развитых в экономическом отношении частей Германии. Здесь раньше, чем в других местах Германии, начало развиваться крупнокапиталистическое хозяйство и образовался слой богатой и властолюбивой крупной буржуазии. Вследствие всего этого, рейнская провинция шла впереди других по оппозиционности своего настроения.

Если мы теперь перейдем от общих к частным, семейным условиям, среди которых вырос Карл Маркс, то мы убедимся, что и в этой области обстановка, окружавшая Маркса, благоприятствовала его развитию. Отец Маркса был чутким и образованным человеком, души не

чаявшим в своем сыне, рано разгадавшим гениальные задатки своего первенца и всеми силами старавшимся дать ему цельное и законченное образование.

Одна из главных «особых примет» духовного облика К. Маркса – его интернационализм и, если так можно выразиться, интеррелигиозность – тоже уже в условиях его детства получила благодатную почву для развития. Отец и мать Маркса происходили из древней еврейской фамилии, перешедшей в христианство, когда Марксу было шесть лет. Отец Маркса был немец, его мать голландкой, до самой своей смерти не научившейся безукоризненно говорить по-немецки.

В 1835 году Маркс окончил гимназический курс в трирской гимназии. Полученный им аттестат меньше всего давал основание предполагать в семнадцатилетнем юноше гениального теоретика и стратега революции. Аттестат был «средний». Почти по всем предметам отмечались «удовлетворительные» успехи и похвальное поведение.

Окончив гимназический курс, Маркс в том же 1835 г. поступил на юридический факультет Боннского университета. Студенческая жизнь Германии тридцатых и сороковых годов как нельзя лучше подтверждала ту истину, что непосредственная политическая роль, играемая студенчеством, тем шире и влиятельнее, чем более отстало общее социально-экономическое положение данной страны. Социально-политический строй Германии тридцатых годов был до крайности отсталый по сравнению с «западными странами» – Англией и Францией. В политической области в ней ненарушимо царил еще абсолютизм, имевший к тому же несколько десятков филиальных отделений, в виде бесконечного числа отдельных микроскопических государств. Не менее отсталой была Германия тридцатых годов и по своему социально-экономическому развитию. Капиталистическое производство едва только назревало, господствующая же роль принадлежала мелким формам самостоятельного производства и ремеслу. Социальные взаимоотношения различных классов отличались патриархальностью и благодушием. Пролетариат был еще очень малочислен и не порвал еще своей связи с мелким производством и с землей.

Таким образом, в Германии тридцатых годов еще не существовали сколько-нибудь обширные кадры населения, которые бы, подобно тому, как это было во Франции, могли на своих крепких и широких плечах вынести организованную политическую борьбу с абсолютизмом.

А между тем мысль немецкой интеллигенции значительно обогнала медленный ход социально-экономического развития страны. Передовые слои немецкой интеллигенции с жадностью усваивали новые веяния в науке и жизни, доносившиеся из соседней Франции. На сером, тусклом фоне крайне отсталой социально-политической жизни Германии ярким пламенем горела мысль передовой интеллигенции. И эта-то передовая интеллигенция, не находя еще в своих, освободительных стремлениях точки опоры в широкой народной массе, приняла отсталость социально-экономического развития Германии за ее особенность и с энтузиазмом сама возложила на себя великую миссию своими личными силами и усилиями освободить весь немецкий народ. И в первых рядах этой интеллигенции стояло, конечно, студенчество. В тридцатых годах оппозиционное движение носило в Германии чисто интеллигентский и по преимуществу студенческий характер. Пролетариат еще политически безмолвствовал, буржуазия уже начинала издавать политически членораздельные звуки, но тогда она еще не шла дальше упований на мудрость правительства и почтительных просьб, обращенных к правительству, чтобы оно само себя ограничило. Среди студенчества же шло сильное брожение, и скорпионы жестоких правительственных репрессий обрушивались всею своею тяжестью почти исключительно на студентов. Но эти гонения только сильнее спланивали и только больше озлобляли студенчество, которое в ответ на правительственный террор стало проповедывать «убийство тиранов».

Чрезвычайная неопределенность социально-экономического состояния тогдашней Германии, пестрая чересполосица интересов различных ее классов отражалась в головах студенчества в виде удивительного сумбура политических понятий. Не говоря уже о «цветном», корпоративном студенчестве, которое всецело ушло в дуэли, попойки и подражание фешенебельным офицерам, даже среди передовой части студенчества еще широко были распространены грубые корпоративные предрассудки и чисто ребяческое увлечение «страшными» революционными лозунгами и призывами, которые, за единичными исключениями, всегда оставались в области революционной фразеологии.

Один из друзей К. Маркса, «красный» Беккер, поступивший в университет лишь на 4–5 лет позже Маркса, рассказывает, что среди передового студенчества тогда еще очень часто встречались студенты, которые одновременно с «тиранами» предавали проклятию и... железные дороги и упорно отказывались пользоваться ими. А когда другой гениальный современник Маркса, Георг Бюхнер¹, поступивший в университет на 3–4 года раньше Маркса, обратился к революционной студенческой организации «студентов-коммунистов» с приглашением вступить в революционный союз, в котором участвовали многие ремесленники, то «студенты-коммунисты» ответили Бюхнеру, что устав этого общества соответствует их убеждениям, так как они, студенты, непримиримые коммунисты, но, однако, они считают ниже своего достоинства быть в одном обществе с какими-то ремесленниками.

Этот характерный эпизод хорошо показывает, что, несмотря на всю свирепость своей революционной фразеологии, немецкое студенчество тридцатых годов еще не могло освободиться даже от своих корпоративных предрассудков.

Однако все чаще и чаще уже с тридцатых годов среди немецкого студенчества стали встречаться отдельные личности и небольшие группы, которые звали студенчество выйти из тесных стен чисто студенческого движения и, подняв массовое народное движение, стать во главе его.

Вследствие вышеуказанной социально-экономической отсталости Германии тридцатых годов тогдашнему студенчеству в лице его передовых деятелей не удалось вызвать сколь-нибудь заметного массового движения, но все-таки студенчество сумело бросить в девственное в политическом отношении сознание широких слоев народа первые зерна политического развития. В особенности это приходится сказать о ремесленниках, которые уже с тридцатых годов стали приходить в соприкосновение с «бунтующими» студентами и даже основывать студенческо-ремесленные революционные союзы. Лишь немногие студенты – вроде Бюхнера, Беккера и др. – настолько поднялись над общим уровнем, что *умело* пропагандировали ремесленников, обыкновенно же эта пропаганда сводилась к обучению ремесленников свирепой революционной фразеологии. Вот как один современник Маркса передает «имевшую шумный успех» речь одного ремесленника: «Добро должно восторжествовать! Моей религией является убийство тиранов и всеобщее равенство... Я знаю наверное и надеюсь, что и вы, дорогие братья, верите в это, что скоро совершится нечто (*bald etwas geschieht*), я знаю это из верного источника, я знаю это от поляков и французов. Революция, говорю я вам, революция и всеобщее уничтожение». (*Общее продолжительное одобрение. Аплодисменты. Крики «браво».*)

Этот «революционный» сумбур был точным отражением того сумбура, который царил в тридцатых годах в головах большинства немецких студентов. Но как ни был велик, этот политический сумбур, он во всяком случае не помешал студенчеству играть очень шумную поли-

¹ Бюхнер Георг (нем. Georg Büchner; 1813–1837) – немецкий поэт и драматург. Занимался изучением естественных наук и практической медицины; издал памфлет «Der Hessische Landbote» с эпиграфом: «Мир – хижинам, война – дворцам». В 1834 году Бюхнер участвовал в революционном восстании в Гессене. За написание политического памфлета разыскивался полицией. Впоследствии переехал в Цюрих, где читал лекции по сравнительной анатомии. Бюхнер – автор трех драматических произведений: «Смерть Дантона», «Войцек» и «Пьетро Аретино». С 1923 года вручается премия Бюхнера, которая считается наивысшей наградой Германии в области прозы. – *Примеч. ред.*

тическую роль, будоражить крепко спящий мир филистеров и будить его к самостоятельной политической жизни.

Студенчество находилось в непрестанном брожении, неутомимой войне с правительством, и своими «беспорядками» оно, конечно, сильно содействовало политическому пробуждению всей страны. К этой эпохе бури и натиска в жизни немецкого студенчества относятся университетские годы Карла Маркса. Какую же позицию занял Карл Маркс по отношению к студенческим волнениям, к каким из многочисленных тогда студенческих групп он примкнул, какую роль он сыграл в развитии студенческого движения? К сожалению, тот весьма скудный биографический материал, который мы имеем о Марксе, особенно скудостью страдает относительно его студенческих лет. Мы не имеем никаких данных относительно роли Маркса в студенческом движении тридцатых годов; но те автобиографические данные, которыми мы вообще располагаем относительно студенческих годов Маркса, и многочисленные воспоминания его современников заставляют предполагать, что Маркс или совсем остался в стороне от студенческих движений, или, во всяком случае, принимал в них лишь незначительное участие. Маркс уже на университетской скамье сильно выделялся своими замечательными способностями и богатством своих знаний. Если бы поэтому он принял близкое участие в студенческом движении, то он бы очень скоро выдвинулся и сыграл в нем крупную роль. А между тем, в довольно богатой немецкой литературе о студенческих движениях тридцатых годов имя Карла Маркса не встречается. Сохранившиеся письма студента Маркса к отцу и отца к нему тоже заставляют предполагать, что в студенческие годы Маркс всецело ушел в выработку своего общеполитического мирозерцания и вопросы мировоззрения целиком поглотили все его мысли и помыслы. О социальных движениях, социальных и политических вопросах мы не находим в письмах Маркса к отцу и в ответных письмах отца ни звука. В этом отношении интересно сравнить письма Маркса к отцу с письмами к отцу Георга Бюхнера. Отец Бюхнера был в политическом отношении очень консервативно настроен, но, несмотря на это, Бюхнер в своих письмах к отцу и невесте постоянно вновь и вновь возвращается к социальным и политическим вопросам и с юношеским пылом реагирует на все политические события. И даже в своих занятиях он больше всего времени уделяет «изучению истории революций».

Совершенно иной характер носят письма и занятия студента Маркса. Свою невесту он засыпает письмами чисто лирического характера и даже целыми тетрадами своих стихотворений, в письмах к отцу он вновь и вновь возвращается к вопросам о выработке своего общеполитического мирозерцания; а в Берлине среди его друзей мы встречаем людей на несколько лет старше его и уже закончивших свой период бури и натиска. Маркс-студент, очевидно, принадлежал к тому типу людей, которые не могут заняться практическим делом или даже вопросами практики, не уяснив себе предварительно «проклятых» вопросов теории, вопросов общего мировоззрения. Ночи напролет просиживал Маркс над книгами и мучительно метался от одной теории к другой, от одной науки к другой, крайне неохотно и неаккуратно посещая университетские лекции. Из этих лекций Маркс охотно слушал знаменитого Савиньи и в особенности Ганса, оказавшего на Маркса очень сильное влияние. Ганс в своих лекциях метко и зло бичевал крайнюю историческую школу юристов, Ганс отмечал «узость, ограниченность и мумиеподобность этой школы, ее вредное влияние на законодательство и право, жалкое чванство, с которым она покрывает свои тощие члены государственной тогою». Кто знаком со знаменитой статьей Маркса «К критике гегелевской философии права», тот легко проследит по ней, какое глубокое впечатление произвели на Маркса лекции гегельянца Ганса.

Для периода студенчества Карла Маркса наибольшую биографическую ценность представляет письмо Маркса к отцу, относящееся к ноябрю 1837 г. и впервые опубликованное дочерью Маркса в 1897 г. в журнале «Die Neue Zeit».

«Когда я покинул вас, – пишет здесь Маркс, – для меня раскрылся новый мир, мир любви и притом страстной, безнадежной любви. Даже поездка в Берлин, которая, вообще говоря, при-

вела меня в восхищение, возбудила во мне наслаждение природой, доставила мне радости, – и эта поездка в конце концов оставила меня равнодушным и угнетающе на меня подействовала, ибо скалы, на которые я глядел, не были сильнее и величественнее, чем чувства моей души; обширные города не были более живы, чем моя кровь, меню трактиров не были более разнообразны и неперевариваемы, чем продукты моей фантазии, и, наконец, искусство не было так прекрасно, как моя Женни. Приехав в Берлин, я порвал со всеми своими прежними знакомствами, неохотно делал редкие визиты и пытался уйти в науку и искусство.

При моем тогдашнем настроении я прежде всего должен был, конечно, броситься на лирическую поэзию, и в связи со всем моим развитием эта поэзия могла быть лишь чисто идеалистической. Таким же далеким, потусторонним миром, каковым тогда была моя любовь, было и мое небо, мое искусство. Всякая действительность исчезала, и все исчезнувшее размывалось в безграничном пространстве, не находясь ни в какой связи с настоящим, принимая характер расплывчатого и бесформенного чувства, лишённого всякой естественности. Все совершилось точно на луне; между существующим и тем, что должно быть, зияла полная противоположность, риторические рассуждения заменяли поэтические мысли...

Однако, поэзия была лишь второстепенным делом, я должен был изучать юриспруденцию, и прежде всего я чувствовал стремление посчитаться с философией. Эти занятия так переплелись друг с другом, что я вынужден был частью без всякой критики, чисто ученически, воспринять Гейнециуса, Тибо и источники. Две первые книги пандектов я перевел на немецкий язык и пытался изложить философию права. В качестве введения я предпослал несколько метафизических тезисов, и этот злосчастный *Opus* я довел до публичного права. Эта работа заняла почти триста (?) листов.

Здесь у меня прежде всего резко выступило присущее идеализму противоречие между миром действительного и миром должного и повлекло за собою безнадежно ошибочную классификацию. Прежде всего, милостиво окрещенная мною метафизика права, т. е. основные начала, определения понятий, не находилась у меня ни в какой связи с действительным правом и его реальными формами. Я повторял этим Фихте, но придавая рассуждениям более современную и вместе с тем более бессодержательную форму. При этом ненаучная форма математического догматизма заранее воздвигала препятствие для истинного познания, так, как здесь субъект вертится вокруг вещей, рассуждает о них и так и сяк, вместо того, чтобы понять вещи в их саморазвитии, как живущие своей жизнью.

Математик строит треугольник и доказывает, что этот треугольник есть простое представление в пространстве, из него само по себе ничего не развивается, он становится в различные отношения и раскрывает различные истины в зависимости оттого, что мы в него приносим. Но в конкретной форме живого мира идей, каковым является право, государство, природа, вся философия, здесь сам объект должен быть понят в его развитии, здесь произвольные классификации не должны приноситься; разум же самих вещей должен разрываться во внутренних противоречиях и в самом себе отыскивать свое единство...

Понятие служит посредствующим звеном между формой и содержанием. В философском развитии права форма должна входить в содержание, форма должна быть лишь простым продолжением содержания».

Далее Маркс излагает свою классификацию юридических наук, не представляющую интереса и которую он уже сам отвергает.

Только что успев закончить свою систему, «положительную теорию права», Маркс уже видит всю ее непригодность и безжалостно разрушает ее сверху донизу. «Мне снова стало ясно, что без философии далеко не уедешь. Я вновь бросился в ее объятия и вновь создал новую метафизическую систему, закончив которую я вновь должен был признать ее ошибочность и вообще ошибочность всех моих прежних попыток».

«Я усвоил себе привычку делать выписки из всех читаемых мною книг, напр., из «Лаокона» Лессинга, из «Эрвина» Сольгерса, из «Истории искусства» Винкельмана.

В то же время я переводил «Германию» Тацита, libri tristium Овидия, занимался английским и итальянским, не сделав пока в этом успехов, читал уголовное право Клейна и его анналы и все новости литературы.

Все эти занятия заставляли меня просиживать многие ночи напролет, перестрадать внутреннюю борьбу, из которой я в конце концов вышел не слишком-то обогащенным, забросив при этом природу, искусство, мир, оттолкнув друзей, подорвав свое здоровье, так что врач посоветовал мне отправиться в деревню, и я впервые пропутешествовал через весь город в Штралов (предмесье Берлина).

Занавес опустился. Моя святыня была разрушена, и я должен был приняться за создание новых богов.

От идеализма, который я, к слову сказать, уподоблял кантовскому и фихтевскому, я пришел к заключению о необходимости отыскивать идеи в самой действительности. Если прежде боги жили над землею, то теперь они переселились в ее центр.

Я прочел фрагменты гегелевской философии, фантастические горные мелодии которой мне не понравились. Вновь я хотел окунуться в стихию, но уже с определенным намерением понять духовный мир, как столь же необходимый, конкретный и определенный, как и физический. Я не хотел заниматься дольше фехтовальным искусством.

Я написал диалог приблизительно в двадцать четыре листа: «Клеантус, или об исходной точке и необходимом развитии философии». Здесь до известной степени объединились искусство и наука... Моим конечным тезисом было начало гегелевской системы, и эта работа, ради которой я должен был ознакомиться с естествознанием, Шеллингом и историей, причинила мне бесконечную головомолку и при этом так была написана, что я теперь не могу в ней разобраться. Это мое любимое детище, точно фальшивая сирена, завлекло меня в руки врага.

Со злости я несколько дней совершенно ни о чем не мог думать, точно сумасшедший бегал по саду, по берегу грязной Шпрее, даже отправился на охоту со своим хозяином. После этого я занялся исключительно положительными науками».

Эти письма юного Маркса, напряженно и страстно строившего философские системы и тотчас же с отчаянием их разрушавшего, чтобы строить вновь, доставляли его положительному отцу глубокое огорчение.

В своем ответном письме Маркс-отец раздраженно обвиняет сына в «беспорядочности, нелепой суете по всем отраслям науки, коптении при тусклой лампе, одичании в ученом шлафроке с нечесаными волосами, вместо одичания за кружкой пива... искусстве вращаться в мире, ограниченном стенами грязной комнаты». Достается при этом юному философу и за невнимательность к финансам. «Точно мы богачи, господин сын позволяет себе в течение одного года истратить почти 700 талеров, вопреки всем условиям, вопреки всем обычаям, и это в то время, как самые богатые тратят не более 500. И почему? Я знаю, что мой сын не мот. Но, помилуйте, как же господин, каждую неделю или каждые две недели изобретающий новые системы и уничтожающий всю прежнюю, с таким усилием исполненную работу, как может такой господин заниматься мелочами? Как он может думать о таких мелочных вещах, как порядок?

Другие— «обыкновенные», конечно, студенты, — продолжает отец язвить сына, — по своей простоте душевной посещают лекцию, ночью спокойно спят и завязывают знакомства. А мой славный, талантливый Карл по целым ночам не спит, истощает дух и плоть в серьезных занятиях; отказывается от всяких удовольствий, чтобы отдаться абстрактным наукам, и то, что он сегодня создает, он завтра разрушает. В конце концов, все свое он разрушил, а чужое не усвоил. В результате — тело оказывается изнуренным, а ум совершенно сбитым с толку, в то время как обыкновенные, маленькие люди спокойно идут своею дорогой и порою лучше или во всяком

случае спокойнее достигают своей цели, чем те, которые отказываются от всяких юношеских радостей и расстраивают свое здоровье ради тени учености».

Переписка между сыном и отцом дает очень ценный материал для характеристики Маркса-студента. Карл Маркс, подробно описывая весь ход своих дум и занятий, сообщая о своих неудачных попытках литературного творчества, о своих личных делах, о своих друзьях, при этом ни одним словом не касается ни событий тогдашней жизни, ни вообще каких-либо социальных или политических вопросов.

Среди друзей Маркса-студента мы опять-таки встречаем людей не политической деятельности, а теоретической мысли. Ближе, чем с другими, он сошелся в Берлине со знаменитым исследователем Евангелия Бруно Бауером² и историком Карлом Коппенем. Несмотря на то, что эти люди были на десять лет старше Маркса и уже давно сошли с университетской скамьи, у них очень скоро установились с юным студентом самые близкие товарищеские отношения. Уже тогда Маркс обладал способностью подчинять, покорять своему уму окружающих его людей. В одном письме к Марксу Карл Коппен, бывший уже тогда вполне сформировавшимся умственно человеком, пишет, что с отъездом Маркса из Берлина он, Коппен, «вновь обрел свои собственные, так сказать, самостоятельно продуманные мысли, тогда как до этих пор все мои мысли приходили ко мне с Шютценштрассе» (улица, на которой жил в Берлине Маркс). И в этом же письме Коппен говорит, указывая на одну статью Бауера, что и последний многим был обязан Марксу. «Как видишь, – говорит Коппен Марксу, – ты целый магазин мыслей или, выражаясь на берлинском жаргоне, ты бычачья голова, фаршированная идеями».

Это шутивное письмо Коппена показывает, что уже на студенческой скамье Маркс поражал замечательным богатством своих знаний и железною силою своей логики, поражал не только профанов, но и таких выдающихся по своему таланту и знаниям людей, как историк Коппен и доцент Бруно Бауер. И если мы вспомним приведенное нами выше письмо Маркса к отцу, то нас это, конечно, не удивит. Все силы, помыслы и способности молодого студента поглощены были жадным, неутолимимым стремлением к знаниям и выработке цельного мирозерцания. Ночи напролет мучает Маркс свою голову, чтобы самостоятельно разобраться в вопросах общефилософского мировоззрения. Перед ним вырисовывается уже стройная и величественная философская система, кажется, еще несколько штрихов, еще несколько деталей – и она будет закончена, и юный философ, дрожа от восторга, поднимает уже руку, чтобы нанести эти последние штрихи, но его неумолимое критическое око в то же время замечает коренной изъян всего построения, и с отчаянием и злобой он безжалостно разрушает свою систему и на время отворачивается от всякой философии, старается уйти от ее неотвязчивых вопросов в обывательскую жизнь или «положительные знания». Но Маркс не был таким человеком, который мог бы обойтись без стройного мирозерцания и сложить свое оружие после первых неудач. Проходит короткое время, и он, позабыв о наложенном им на себя философском воздержании, вновь с прежним пылом обсуждает философские системы со своими друзьями и в своей убогой студенческой комнате вновь возводит смелые философские системы.

Эта, по выражению поэта, «бурь душевных красота» ярко сказалась в приведенном нами письме юного Маркса к отцу. Причем уже в этом письме видно, что Маркс еще на студенческой скамье напряженно искал выхода из противоречий метафизического идеализма и не был слепым последователем царившего тогда в немецкой философии Гегеля. Уже в этом студенческом письме Маркс пишет, что «от идеализма я пришел к заключению о необходимости отыскать идеи в самой действительности... Я прочел фрагменты гегелевской философии, фантастические мелодии которой мне не понравились. Вновь я хотел окунуться в стихию, но уже

² Бауер Бруно (нем. Bruno Bauer, 1809–1882) – немецкий теолог, философ-гегельянец, историк. Его воззрения не раз меняли направление. В какой-то момент философ, обладающий большим влиянием на К. Маркса, направляет помыслы на Россию, в которой «видит страну грядущей цивилизации». В конце жизни вновь стал приверженцем и защитником прусского консерватизма. – *Примеч. ред.*

с определенным намерением понять духовный мир как столь же необходимый, конкретный и определенный, как и физический. Я не хотел заниматься дольше фехтовальным искусством». Таким образом, еще студентом Маркс видел недостатки гегелевского идеализма, хотя, конечно, ничего своего, оригинального он создать на студенческой скамье не успел.

Универсальный курс близился к концу, практическая деятельность юриста совершенно не прельщала Маркса, и его все более и более тянуло к профессорской деятельности. Его близкий друг Бруно Бауер, уже занимавший кафедру раньше в Берлине, а затем в Бонне, усердно уговаривал Маркса поскорее сдать государственный экзамен и записаться доцентом философии в Боннский университет. «Постарайся, – пишет Бауер Марксу, – покончить с твоим жалким экзаменом, чтобы ты мог беспрепятственно отдаться своим работам». И в другом письме Бауер вновь пишет: «Время становится все плодотворнее и прекраснее... Покончи же с твоими проволочками и твоею излишнею вознею, с такою бессмыслицей и с таким фарсом, как экзамен».

Весною 1841 г. Маркс сдал государственный экзамен при Йенском университете и получил степень доктора философии. У Маркса зарождались уже сомнения, не предпочесть ли ему практическую деятельность ученой, и его друг Бауер усердно отговаривал его от этого решения. «Было бы бессмыслицей, – писал Бауер, – если бы ты посвятил себя практической карьере. Теория является в настоящее время самой сильной практикой, а мы даже предвидеть не можем, какое крупное практическое значение она еще получит в будущем».

После некоторых колебаний Карл Маркс решил последовать совету своего друга и занять в Боннском университете кафедру доцента философии. В ту эпоху занятие философией было тесно сплетено с занятиями вопросами религии. Как мы уже знаем, тогдашнее радикальное течение совершалось почти исключительно в чисто идеологической сфере. Молодое радикальное течение вело борьбу со старым порядком посредством философской критики идеологических основ этого порядка, и, углубляясь в эту критику, оно приходило к заключению о необходимости разрушить непогрешимость религиозной санкции существующего строя.

Позже, вспоминая это время, Энгельс писал: «В борьбе с правоверными пиетистами и феодальными реакционерами так называемые молодые гегельянцы – левое крыло – отказывались мало-помалу от того философски-пренебрежительного отношения к жгучим вопросам дня, ради которого правительство терпело их учение и даже покровительствовало ему. А когда в 1840 г. правоверное ханжество и феодально-самодержавная реакция вступили на престол в лице Фридриха Вильгельма IV, пришлось высказаться открыто. Борьба по-прежнему велась философским орудием, но уже не ради отвлеченно-философских целей. Речь шла уже об уничтожении унаследованной религии и существующего государства».

Одним из самых блестящих представителей этой философской критики религии явился уже знакомый нам ближайший друг Маркса – Бруно Бауер.

С увлечением и блеском Бауер вел борьбу с теологическим мирозерцанием, нанося ему все новые удары и раскрывая один за другим все его предрассудки и секреты. Вся молодая радикальная Германия с напряженным интересом и восторгом следила за этой победоносной борьбой Бруно Бауера с теологами. Но как ни заволакивала радикальная школа свою аргументацию философскими туманами, как ни употребляла она вместо всем понятных выражений их головоломные метафизические псевдонимы, но тогдашняя предрассудочная власть не могла, конечно, оставить безнаказанным такое колебание всех основ.

В тогдашней Германии вся наука – и в том числе и университетская – находилась под явным надзором полиции, которая моментально вмешивалась, как только с университетской кафедры начинало веять вольным духом. Недаром Берне³ писал: «Пусть только случится, что

³ Берне Карл Людвиг (наст. Иуда Лейб Барух, нем. Juda Lob Baruch; 1786–1837) – еврейско-немецкий публицист и писатель. По мнению Берне, главным вкладом еврейства в мировую цивилизацию было то, что оно породило идеалы христианства.

между испанскими якобинцами найдется какой-нибудь математик— и союзный сейм тотчас же запретит логарифмы».

Лекции Бауера были, конечно, признаны несоответствующими «духу существующего государственного строя», и Бауер был лишен профессуры в Боннском университете.

Этот случай с его ближайшим другом раскрыл Марксу глаза, показал ему, что свободное научное исследование не совместимо было, в тогдашней Германии с занятием университетской кафедры, с которой начальство позволяло лишь защиту, но никак не критику «существующего строя». Тогда Маркс окончательно покинул всякие дальнейшие мечты о профессорской карьере, но покинул их не для того, чтобы отдаться практической карьере в смысле службы или адвокатской практики, а для того, чтобы пуститься в ту единственную область, в которой в тогдашней Германии только и можно было вести серьезную политическую борьбу, — в область публицистики.

К студенческим годам Маркса относится и его первый и единственный «роман». Еще совсем ребенком Карл Маркс подружился с Женни Вестфален, дочерью крупного чиновника, по происхождению— шотландского дворянина. Между семьей Марксов и Вестфаленов установилась тесная дружба, и Карл Маркс был неразлучным товарищем Женни Вестфален во всем играх и занятиях. Но когда Маркс был в последних классах гимназии, ровная, детская дружба между ним и Женни Вестфален вспыхнула яркой, пламенной юношеской любовью.

Женни Вестфален принадлежала к тому счастливому и редкому типу людей, которые страстно любят жизнь во всей ее пестроте, во всем ее разнообразии, одновременно умея и всецело отдаваться ее радостям, и с героической стойкостью переносить все ее ужасы.

В своем родном городе Женни Вестфален слыла «царицей балов» и «самой красивой девушкой Трира», но, умевшая беззаветно веселиться на балах, она, как показала ее долгая жизнь с Марксом, умела с удивительной цельностью, мужеством и сдержанностью переносить те тяжкие и нередкие в ее жизни ужасы, от которых гнулись и ломались сильные мужчины.

Маркс питал к ней пламенную, глубокую страсть, которую не только не потушили, но и не ослабили долгие годы их совместной жизни.

Дочь Маркса рассказывает о своем отце: «В течение всей жизни Маркс питал к своей жене не только любовь, но влюбленность. Предо мною лежит любовное письмо, страстный, юношеский огонь которого заставляет предполагать, что оно написано восемнадцатилетним юношей, а между тем оно написано Марксом в 1856 г. после того, как у него уже было 6 детей от его брака с Женни. Когда смерть его матери заставила Маркса уехать в Трир, то он писал оттуда: «Ежедневно отправляюсь к старому дому Вестфаленов (на Римской улице), интересующему меня больше, чем все римские древности, так как он напоминает мне о счастливом юношестве и так как в нем жило мое лучшее сокровище».

Если сорокалетним мужчиной Маркс, по словам его дочери, писал своей жене письма, по страстности своего тона заставляющие предполагать в их авторе восемнадцатилетнего юношу, то можно себе представить, какое пламя любви сжигало его, когда ему действительно было восемнадцать лет. По словам его дочери, Маркс в любви к своей невесте был настоящим «неистовым Роландом».

После окончания гимназического курса, уезжая в университет, Маркс «обручился» со своею невестою, но об этом знали лишь родители Маркса, старикам же Вестфален ни их дочь, ни Маркс не решились открыть своего секрета. Они боялись, что старик Вестфален, несмотря на всю его глубокую любовь к юному Марксу, очень насмешливо отнесется к «обручению»

С возникновением последнего евреи перестали существовать как нация, и отныне их миссия состоит в осуществлении идей космополитизма, в том, чтобы подать всему человечеству пример вненационального существования. К.Л. Берне — выходец из знаменитой франкфуртской семьи банкиров Барухов, которые наряду с другими еврейскими банкирами Германии, США и Российской империи активно спонсировали так называемую «русскую революцию» 1917 года. — *Примеч. ред.*

своей дочери с восемнадцатилетним юношей (Маркс был на 4 года младше своей жены), только что сошедшим с гимназической скамьи.

С отчаянием в душе Маркс покидал свою невесту. Все его письма переполнены ею, и даже новые, яркие впечатления университетской жизни, а потом и жизни Берлина не могли заглушить в его душе тоски по Женни и неумолкающего стремления уехать к ней. Уже не раз цитированное нами выше письмо к отцу Маркс заканчивает словами: «Кланяйся моей милой, прелестной Женни. Я уже двенадцать раз перечел ее письмо, и каждый раз я открываю в нем новые и новые прелести».

«Самая красивая девушка Трира» производила чарующее впечатление не только на безумно влюбленного в нее Маркса, но и на всех людей, которые близко с нею сталкивались.

В письмах отца Маркса к сыну сквозит глубокая и нежная любовь старика к Женни Вестфален. И мать Маркса в письме к сыну с любовью и нежностью говорит о Женни и выражает твердую уверенность, что она сделает счастливым ее сына.

Ближайший друг Маркса, Бруно Бауер, в одном из своих писем пишет: «Твоя невеста способна все перенести с тобою, и кто еще знает, что может случиться». Эти слова друга оказались пророческими: судьба не баловала Маркса, и его жена оказалась действительно способной героически «все перенести».

По всей вероятности, под влиянием своей пламенной страсти к невесте Маркс сделался необычайно плодовитым поэтом. В течение всего одного года своего студенчества Маркс успел прислать своей невесте целых три толстых тетради своих стихотворений.

Глава II

Политическое положение Германии в начале сороковых годов. – Окончание Марксом университетского курса и мечты о профессорской деятельности. – Первые литературные произведения Маркса и их характер. – Сотрудничество в «Рейнской газете» и увлечение Гегелем. – Закрытие «Рейнской газеты». – Увлечение Маркса Фейербахом. – Пессимистическое настроение немецкой интеллигенции и оптимизм Маркса. – «Немецко-французские ежегодники» и сотрудничество в них К. Маркса

Царствование Фридриха-Вильгельма III (умер в 1840 г.) было эпохой глухой реакции. Мрачный король защищал неограниченный режим с непримиримостью и неумолимостью своей ограниченной натуры. И чем больше разгоралось оппозиционное движение, тем мрачнее и суровее становилась реакция. В пылу национального увлечения, вызванного освободительной войной с французами, Фридрих-Вильгельм III торжественно обещал даровать немецкому народу конституцию; в двадцатых годах, ввиду стесненного финансового положения государства, он вновь повторил это обещание, но затем не только не приводил его в исполнение, но принялся ожесточенно преследовать всякие разговоры о конституции; все конституционное движение он принимал чуть ли не за личное оскорбление и высказывал твердую уверенность, что ему удастся арестовать все освободительное движение и засадить его в тюрьму. Подобная надежда была, конечно, наивной утопией, но при мрачном реакционном правительстве Фридриха-Вильгельма III освободительное движение не получило в Германии особенно широкого развития. Им был охвачен, собственно, лишь только тонкий верхний слой общественной пирамиды. В широкой массе народа уже началось глухое брожение, но оно еще не получило сознательного политического характера. Рабочий класс был еще очень малочислен и никакой самостоятельной политической роли не играл. Все освободительное движение выносили на своих слабых плечах лишь малочисленная либеральная буржуазия и, главным образом, студенчество, да еще, конечно, литераторы.

И при Фридрихе-Вильгельме III освободительное движение разрасталось и углублялось в широкую народную массу, но суровыми реакционными мерами этому правительству удавалось тормозить его и, главное, замкнуть в тесные рамки волнений интеллигенции.

В 1840 году Фридрих-Вильгельм III умер, и вздох облегчения вырвался из тысячи грудей. Еще при жизни Фридриха-Вильгельма III либеральные слои общества, отчасти из трусости, а отчасти из-за реального бессилия отказавшиеся от открытой борьбы с правительством, все свои надежды и упования перенесли с короля на кронпринца. С наслаждением передавались из уст в уста, рассказы о либерализме кронпринца, о его сочувствии конституционному движению, о его просвещенном уме и мягком характере. И смиренные бюргеры с нетерпением ждали смерти старого мрачного короля, с ожесточением топтавшего все полезные ростки жизни.

И когда умер Фридрих-Вильгельм III, и 7 июня 1840 г. на престол вступил Фридрих-Вильгельм IV, все общество предалось необузданной радости, в его настроении произошел резкий перелом от тяжелого отчаяния к бурным надеждам.

На первых порах все шло гладко, и именинное настроение немецкого либерального общества росло. Правда, когда некоторые из собравшихся ландтагов, принося новому королю присягу, в самых почтительных выражениях напомнили ему о давнишнем обещании его отца дать народу конституцию и выразили глубокую уверенность, что сын, конечно, не замедлит испол-

нить торжественное обещание отца, то Фридрих-Вильгельм IV отнюдь не ответил утвердительно. Но в то же время он и не рассердился и не закричал на депутатов за их бессмысленные мечтания, а по тогдашним жестоким временам и это уже было не мало. Король ответил очень туманной речью, никаких конституционных обещаний не содержащей, но либеральное общество предпочло истолковать эту витиеватую речь в смысле симпатии короля к конституционализму. Но король сам поспешил рассеять эти иллюзии либералов. Опубликовав речи депутатов от земств и ответную речь короля, правительственный орган при этом выразительно присовокупил, что он предаст гласности эти официальные документы с тем, «чтобы положить конец превратным толкам о том, будто король в своей ответной речи высказал одобрение петиции депутатов о провозглашении конституции на основании указа 22-го мая 1815 года».

Наконец, в своей речи, обращенной к немецкому дворянству, Фридрих-Вильгельм IV ясно и громогласно заявил во всеуслышание, что ни о какой конституции он и не помышляет. «Я твердо помню, – сказал король в этой речи, – что получил свою корону от Всевышнего Господа и перед ним я ответственен за каждый день и каждый час своего правления. И кто требует от меня гарантий на будущее, тому я адресую эти слова. Лучшей гарантии ни я и никакой другой человек дать не могут. И эта гарантия прочнее, чем все присяги, чем все обещания, закрепленные на пергаменте, ибо она вытекает из самой жизни и коренится в ней... И кто хочет довольствоваться простым, отеческим, древнехристианским правлением, тот пусть с доверием взирает на меня».

За каких-нибудь 2–3 года со времени восшествия на престол Фридриха-Вильгельма IV оппозиционное движение сделало в Германии значительные шаги вперед. Фридрих-Вильгельм IV своими постоянными колебаниями между либеральными уступками и реакционными гонениями как нельзя лучше служил росту оппозиционного движения, которое всегда выигрывало от подобных растерянных колебаний правительственного курса. Брожение во всей стране росло и вширь, и вглубь, оно все лучше политически организовывалось, оно захватывало все более и более широкие слои. Отношения между правительством и народом благодаря этому все более обострялись. Еще недавно провозглашенная новая эра взаимного доверия быстро отходила в прошлое, а борьба между правительством и народом ярко разгоралась. Уступки, которые время от времени правительство со злобой бросало в угоду ненасытному времени, не только не останавливали, но еще усиливали оппозиционное движение.

Фридрих-Вильгельм IV был серьезно уверен в божественности своей власти, а между тем в стране «божественный авторитет» королевской власти находил все менее и менее верующих. Народ начинал все более и более скептически относиться к уверениям правительства. «Самой характерной чертой переживаемой эпохи, – говорит один из современников, – является упадок веры в правдивость правительства. Даже делались все усилия, чтобы открыто заявить об этом недоверии. Так, например, в Берлине появилась книга «Речи и тосты короля», представляющая простое сопоставление различных речей короля и на этом примере иллюстрирующая, насколько официальные речи не отвечают истине. Ореол власти Божьей Милостью уже не ослеплял глаз, пурпур уже не скрывал человека».

Как глубоко понимало правительство характер оппозиционного движения, хорошо показывает заявление кенигсбергского обер-президента, уверявшего, что он «вполне точно знает, что кенигсбергские либералы находятся *на жалованье у русского правительства*».

Такова была общая атмосфера политической жизни Германии той эпохи, когда Карл Маркс, сдав свой государственный экзамен, собирался вступить на поприще профессорской деятельности. Мы же видели, что реакционные гонения, предпринятые немецким правительством против ближайшего друга Маркса Бруно Бауера, и лишение последнего кафедры ясно показали Марксу, что с кафедр тогдашней Германии свободная наука не могла преподаваться. Оставив окончательно мысль о профессорской деятельности, Маркс решил отдаться публицистике.

К публицистике его давно тянуло, и еще на университетской скамье он делал неудавшиеся попытки литературной деятельности. Переписываясь с Бруно Бауером о своей преподавательской деятельности по кафедре философии, Карл

Маркс в то же время планирует со своим другом издание радикального журнала. И как только при первом же столкновении с суровой жизнью разбились его мечты об университетской кафедре, Маркс принялся за литературу.

С восшествием на престол Фридриха-Вильгельма IV у либерального общества появилась надежда, что теперь печать, наконец, вздохнет свободно, и действительно, новый король не скупился на комплименты по адресу печати, а через некоторое время появились новые инструкции цензорам, обещавшие в «разумных пределах» водворить свободу печати. В высочайшем послании по поводу подготовляемых новых законов о печати говорилось: «Для того, чтобы уже теперь избавить прессу от неуместных, не соответствующих Высочайшим видам ограничений, Его Величество в Высочайшем послании к государственному министерству твердо высказал свое неудовольствие по поводу неуместных притеснений литературной деятельности и признал значение и необходимость свободной и приличной публицистики».

По поводу этих-то сборов правительства соединить цензуру со свободой прессы и напечатал свою первую статью Карл Маркс.

Обещание дать свободу печати несколько, конечно, не мешало правительству Фридриха-Вильгельма IV на деле продолжать все ту же старую политику свирепого преследования малейшего намека на действительно свободное слово.

Маркс предназначал свою статью для журнала «Deutsche Jahrbücher», но статья эта еще не была закончена, когда свирепствующая цензура сделала невозможным ее появление в этом журнале. Редактор этого журнала Руге⁴ по поводу цензурных преследований писал Марксу от 25 февраля 1842 г.: «Дорогой друг, одновременно с вашей критикой цензуры прусская тенденционная цензура активно принялась за наш «Ежегодник». Вот уже целая неделя, как цензор вычеркивает нашу «вредную тенденцию». Можете себе представить, что из этого выходит. Ваша статья не может появиться; все, что напоминает о Бауэре, Фейербахе и обо мне, не пропускается. Благодаря этому, в моем распоряжении оказался подбор прекрасных и пикантных вещей, уготовляющих цензуре оглушительную пощечину. Не согласитесь ли вы, чтобы и ваша статья вместе с другими запрещенными статьями была напечатана в Швейцарии в сборнике «Anecdota philosophica» Фейербаха, Бауера, Руге и др., если вы не захотите, чтобы было названо ваше имя».

Маркс, конечно, согласился. В начале марта появились два тома сборника «Anecdota», в которых была помещена статья Карла Маркса. Сборник носил название «Anecdota zur neuesten deutschen Philosophic und Publicistik» herausgegeben von Arnold Ruge.

Статья Маркса, подписанная псевдонимом «Житель Рейна», тогда же обратила внимание на начинающего литератора. И действительно, чуждая всякой декламации и фразы, эта статья мастерски разбирает по косточкам всю цензурную инструкцию прусского правительства; спокойно и твердо рукой вскрывает все ее замаскированные внутренние противоречия и доказывает, что немецким писателям не приходится надеяться, что подобные инструкции могут улучшить их положение. Обнаруживая в авторе глубокий, анализирующий ум, эта статья, однако, еще не носит ни малейших следов чего-либо специфически-марксистского.

⁴ Руге Арнольд (1802–1880) – немецкий писатель и политический деятель. В 1837 г. принял участие в основании радикального журнала «Hallische Jahrbücher für Kunst und Wissenschaft», а после его закрытия переехал в Дрезден, где стал издавать «Deutsche Jahrbücher». Атеист по убеждениям; полемизируя с Марксом о роли еврейства в будущих мировых революциях, писал, что «это черви в сыре христианства, которые чувствуют себя столь несказанно хорошо в своей шкуре биржевых маклеров, что они ни во что не верят и остаются евреями именно по этой причине». Близкий друг Карла Маркса и один из видных членов I Интернационала. – *Примеч. ред.*

В этой статье, по всей видимости, Карл Маркс еще не стоял не только на социалистической, но и на крайней радикальной точке зрения. Он начинает свою статью с заявления: «Мы не принадлежим к числу тех недовольных, которые еще до выхода нового цензурного эдикта восклицали: «Timeo Danaos et dona ferentes» («Бойся данайцев, дары приносящих»). Но по отношению к прусскому самодержавному правительству подобное авансированное недоверие было, конечно, как нельзя более уместно.

Заканчивает свою статью Маркс тоже следующими скромными словами: «Единственным радикальным излечением цензуры является ее устранение. Самое учреждение плохо, а учреждение сильнее людей. Но окажется ли ваш взгляд правильным или ошибочным, во всяком случае, прусские писатели выигрывают благодаря новой цензурной инструкции, выигрывают, получив или реальную свободу, или идеальную: «сознание».

Сотрудничество Маркса в «Anecdota» ограничилось лишь вышеупомянутой статьей о цензуре, да и сами «Anecdota» вышли всего в двух выпусках, а затем прекратились. В это время для Маркса открылось уже в его родной рейнской провинции новое, более широкое и более ответственное поприще литературной деятельности: сотрудничество во влиятельной «Рейнской газете», а затем и редактирование ее.

И в экономическом, и в политическом отношениях рейнская провинция была наиболее передовой частью Германии. В то время, как в остальной Германии лишь начинала развиваться крупная промышленность, в рейнской провинции она уже сделала крупные завоевания.

В политическом же отношении рейнская провинция обогнала всю Германию благодаря тому, что со времен наполеоновского завоевания в ней остался кодекс Наполеона, который, по сравнению с политическими порядками остальной Германии, казался «революционным».

Вследствие этого в рейнской провинции оппозиционное движение против абсолютизма развилось сильнее, чем во всей остальной Германии, и нашло себе влиятельную и внушительную опору в лице богатой и довольно многочисленной либеральной буржуазии. Ее руководителями являлись два крупных промышленных деятеля, Кампгаузен и Ганземанн. Ганземанн для проведения в жизнь либеральной политической программы крупной буржуазии испробовал раньше излюбленный тогдашними немецкими либералами и радикалами путь – через голову бюрократии обращаться непосредственно к королю. В своем докладе королю Ганземанн очень красноречиво и убедительно доказывал немецкому самодержцу необходимость введения хотя бы умереннейшей конституции. Из этой записки ничего, конечно, не вышло, кроме неприятностей для самого Ганземанна, который был немедленно внесен в списки неблагонадежных и постоянно привлекал к себе немилостивое внимание администрации.

Ганземанн и Кампгаузен решили тогда для борьбы с абсолютизмом и проведения конституционных идей основать ежедневный орган «Рейнскую газету».

Если в социально-политическом смысле «Рейнская газета» была органом либеральной крупной буржуазии, то в общеидейном отношении она явилась органом радикальных левых гегельянцев. Левые гегельянцы – в противоположность правым – выводили из учения Гегеля чрезвычайно радикальные социально-политические взгляды, и в первой половине сороковых годов левые гегельянцы стояли в передовых рядах освободительного движения.

Немецкое правительство первое время возвело гегелевскую философию в придворный сан, признало ее философией предрежащих властей, но когда молодые левые гегельянцы, завоеывая все более широкие симпатии, стали доказывать революционный смысл гегелевской философии, то правительство начало смотреть на гегельянство совершенно иными глазами. Когда, например, старые профессора гегельянцы Ото, Фатке и Бенари обратились к министру Эйхгорну с просьбой о разрешении им издавать газету, то они получили отказ, мотивированный тем, что «не располагая практическими, жизненными знаниями церковных и государственных вопросов, они будут руководить газетой с точки зрения гегелевской философии,

которая, по мнению министра и всех высших прусских государственных людей, находится в непримиримом противоречии с церковью и государством».

Но понятно, что если прусское правительство запрещало издание органа старых гегельянцев, ссылаясь на неблагонадежный характер гегелевской философии, то рейнская либеральная буржуазия, основывая радикальный политический орган, постаралась привлечь к участию в нем всех выдающихся левых гегельянцев.

К сотрудничеству в «Рейнской газете» были привлечены Бауер, Маркс, Штирнер, Рутенберг, Коппен, Гесс и др.

В то время, когда была в Кёльне основана «Рейнская газета» (в январе 1842 г.), Маркс с Бауером жили в Бонне, куда ему была послана просьба о сотрудничестве, и он принял это приглашение с радостью.

Программа «Рейнской газеты» сводилась к требованию введения всеобщего избирательного права, свободы печати, совести и т. д., словом, к обычным конституционно-демократическим требованиям. В социальной области «Рейнская газета» выдвигала требование прогрессивного подоходного налога – отмены налога на предметы первой необходимости и т. д. Наконец, газета требовала роспуска постоянного войска.

Маркс принял самое деятельное сотрудничество в «Рейнской газете». Его первые же статьи (о прениях рейнского ландтага по поводу свободы печати) обратили на него внимание и выдвинули его в первые ряды тогдашних немецких публицистов. «Ваши статьи о свободе печати, – писал ему Юнг, – необыкновенно хороши». «Никогда еще не было написано ничего более глубокого и не может быть написано ничего более глубокого о свободе печати, писал Арнольд Руге по поводу этих первых статей Маркса в «Рейнской газете»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.